

Скорбим и помним

ПАМЯТИ

МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДУНАЕВА

Жизненный путь Михаила Дунаева

Михаил Михайлович Дунаев ушел из жизни 4 сентября 2008 года, на 64-м году. Доктор богословия, доктор филологических наук, профессор Московской духовной академии, автор многих научных трудов, добрый друг Московского театра русской драмы «Камерная сцена», автор нашего журнала «Развитие личности».

Михаил Михайлович – автор пьесы, по которой был поставлен спектакль «Дон Жуан?.. Дон Жуан!». Многие годы он был членом жюри Московского всероссийского фестиваля школьных театров «Русская драма», участником театральной гостиной и секции «Православие. Воспитание. Театр», проводимой в театре «Камерная сцена» в рамках Рождественских Международных образовательных чтений.

Родился Михаил Дунаев 22 августа 1945 года в г. Москве. В 1970 году окончил филологический факультет Московского государственного университета и в этом же году поступил в аспирантуру Института русской литературы АН СССР. Во время обучения в аспирантуре читал лекции по истории русской литературы на подготовительных курсах Московского энергетического института.

В 1979 году после защиты кандидатской диссертации ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Преподавал в Московском государственном университете, а с 1990 года утвержден в должности преподавателя Московской духовной академии и семинарии. В 1997 году окончил академию экстерном и защитил кандидатскую работу. В ноябре 1998 года защитил магистерскую диссертацию, а в декабре удостоен звания доцента. 17 сентября 1999 года решением Государственного высшего аттестационного комитета Российской Федерации

ему присуждена ученая степень доктора филологических наук. 20 марта 2001 года удостоен ученой степени доктора богословия, а 6 апреля – звания профессора МДА.

14 октября 2000 года награжден медалью преподобного Сергия Радонежского I степени за усердный труд и в связи с 55-летием. 14 октября 2005 года награжден орденом преподобного Сергия Радонежского III степени за усердные преподавательские труды и в связи с 60-летием.

Он является автором более 200 книг и статей. Его основной труд – многотомное издание «Православие и русская литература». В 2003 году Михаил Дунаев был удостоен 1-й Всероссийской премии «Православная книга России» в номинации «Автор года».

Коллектив театра «Камерная сцена» и редакция журнала «Развитие личности» выражают свои самые искренние соболезнования родным и близким Михаила Михайловича. Вечная память почившему.

Михаил Щепенко о Михаиле Дунаеве

И мне, и всей нашей труппе выпала великая радость не только близкого общения, но и дружбы с выдающимся филологом и богословом сегодняшнего дня – Михаилом Михайловичем Дунаевым.

Моя первая встреча произошла с ним заочно – я прочитал его статью о Серебряном веке в журнале (не помню, в каком). Эта статья не просто остановила мое внимание: я был полностью согласен с автором и восхищен ясностью, точностью и глубиной его суждений. Я мучительно в течение всей жизни искал критерии истинного и неистинного, достойного и недостойного – и в жизни, и в искусстве. Автор статьи оказался человеком, который эти критерии знал.

Такое случается нечасто.

Потом Михаил Михайлович пришел к нам в театр. Мы его не приглашали, но он возник – я уже не помню как. Он пересмотрел все наши спектакли, горячо и простодушно реагируя на них. В нем профессионализм литератора, высочайший интеллектуализм, бескомпромиссность и глубина богослова сочетались с непреодолимым незлобием и даже наивностью. Он дал мне прочитать пьесу «Комедия условностей». Я нашел в ней нечто, достойное восхищения. Мне она была не просто близка по содержанию, в ней было то, что присуще большому художнику: умение парадоксально мыслить, изысканное остроумие – вплоть до перевода обыденного в статус абсурдного, и наоборот. Я понял, что буду ставить эту пьесу.

Но еще до этого были долгие беседы с Михаилом Михайловичем после окончания спектакля на самые разные темы. Видно было, что он не хотел уходить. Ему было хорошо около нашего очага. Он часто бывал у нас и подолгу сидел в кабинете, на репетициях, в фойе.

Потом были съемки шестисерийного фильма, для участия в котором Михаил Михайлович пригласил меня на роль Болотова, о котором снимался фильм. Это было радостное время творческого общения. Следует отметить, что фильмы (их около 10), которые снимал Михаил Михайлович, это незаурядное явление нашей культуры, которое трудно с чем-либо сравнить, потому что в них происходит встреча с уникальной личностью художника-мыслителя-христианина.

По мере выхода своего шеститомника «Православие и русская литература» Михаил Михайлович дарил мне по одному тому. Я его призывал участвовать в работе нашей секции «Православие. Воспитание. Театр» в рамках Международных Рождественских чтений, в работе жюри Всероссийского фестиваля «Русская драма», в других мероприятиях, проходящих в театре и вне его. И всегда он откликнулся по принципу «Ты свисти, себя не заставлю я ждать».

Он ждал, когда же мы будем ставить его «Комедию условностей». И вот мы начали. Процесс был сложен. Актерам было непросто вступить в интеллектуальную область автора и понять пафос его творческих ходов, а Михаилу Михайловичу было непросто наступать на горло собственной песни, но он в конце концов уступал, кое-что меняя в пьесе. Если спросить себя по поводу завершеного спектакля: «Ты им доволен ли, взыскательный художник?» – думаю, что мы вместе с Михаилом Михайловичем ответим: «Да, довольны». Мы знали, приступая к работе, что этот спектакль не для всех. Сейчас очевидно, что для очень многих людей он дорог и значим.

Мы, бывало, спорили с Михаилом Михайловичем даже в печати. Но при этом могу сказать, что с редким человеком я имел такое единомыслие. Мы и родились с ним почти в один день: он – 22, а я – 26 августа 1945 года. 22-го я его поздравил с днем рождения, а он меня – 25-го, сказав, что завтра он не сможет поздравить, так как будет под наркозом, а потом несколько дней в реанимации.

Злополучная операция состоялась в день моего рождения.

Горько. Тяжело. Утрата невосполнимая. Но и радость непобедима.

Радость близости и созвучия с этим человеком, радость наших долгих бесед и творческого общения, радость бытия, в его спектакле «Дон Жуан?.. Дон Жуан!». Радость от того, что находясь в «изгнании в человеческую плоть», мы прикоснулись к исполненной нездешней красоты и правдивости душе Михаила Михайловича Дунаева.

**Интервью с Михаилом Дунаевым
о спектакле «Дон Жуан?.. Дон Жуан!»,
поставленном по его пьесе**

– *Михаил Михайлович, что вы можете сказать о спектакле как автор?*

– Для меня постановка во многом оказалась неожиданной. Я представлял себе

По материалам архива
театра русской драмы
«Камерная сцена»

очень гибкая, она позволяет любому человеку приспособиться, если он ее примет). Но эта система, на мой взгляд, не то что ложная – она лживая. И именно поэтому человека, который не может принять этой лжи, она выталкивает из всего жизненного уклада. Система либеральных ценностей основана на первородном грехе. Как говорит герой пьесы, мы решили, что слова Создателя условны – и все потеряли. Вот, собственно, об этом пьеса.

– *Об этом и спектакль.*

– Естественно, ведь мы единомышленны с режиссером, тут у нас расхождений никаких нет.

– *Когда люди видят название спектакля, они считают, что это спектакль о Дон Жуане, но это спектакль не о Дон Жуане.*

– Дон Жуан – это главный персонаж, вокруг которого развиваются события. А главное название – комедия условностей. Хотя комедия потом перерастает в трагедию.

– *Зрители говорят о том, что печали, грусти после финала у них не остается. А задумчивость, желание подумать о чем-то есть.*

– Это хорошо – на то и рассчитано было, чтобы люди задумались.

Архиепископ Верейский Евгений, ректор Московской духовной академии

Он был очень скромным человеком и никак не афишировал то, что его посетил недуг, нигде не заострял на этом внимание. Самое ценное – то, что его проповедь была построена на базе той классической литературы, которая является истинным богатством нашей культуры.

В прошлые годы атеистическая пропаганда сделала очень много для того, чтобы показать всё в совершенно искаженном виде. Будучи филологом, он сам занялся этим вопросом (непосредственно ему этого никто не поручал) для того, чтобы, проанализировав классическую литературу, с полной уверенностью сказать, что атеистами были немногие из русских писателей (естественно, он брал тех, кто имел какое-то отношение к христианству и православию). Это самое ценное, и его можно назвать миссионером на этом поприще.

Кто-то миссионерствует, произнося проповедь, другой еще в каком-то направлении, но если говорить о направлении, которое базируется на нашей классической литературе, не знаю, кто еще может так этим заниматься. Мы сейчас потеряли человека, который был миссионером на этом поле, очень важном, нужном, ценном, своеобразном.

– Известно ли, как будет продолжаться чтение курсов, которые вел Михаил Михайлович?

– Нет, мы в размышлении. Могу сказать, что на данный момент у нас нет человека, который бы в полной мере заменил его. В этом плане профессор Дунаев был уникален.

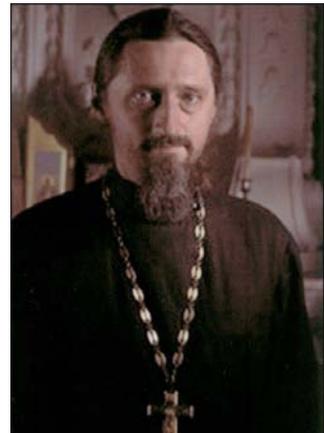
Игумен Мелетий (Соколов), помощник ректора МДА

Смирнейший был человек. Я его за день до смерти посещал в больнице. «Я, – сказал он, – ничего не искал, ничего не просил. Все принимаю, как из руки Божией». Перед смертью он подготовил книжку в одном томе – сокращенную версию его работы о христианстве в литературе. В течение месяца она выйдет; эту книгу выпустит Академия в память о нем.

**Владимир Воропаев,
профессор Московского университета**

В эти скорбные минуты трудно сказать что-то связное и глубокое. Я уверен, что значение Михаила Михайловича Дунаева в нашей культуре, в нашем литературоведении будет со временем возрастать. Для меня это несомненно, потому что он задал тот вектор,

ту точку отсчета, те координаты, без которых изучение русской литературы невозможно. В этом смысле он не был первопроходцем, но обобщил все, что сделано до него. И все те, кто будет писать о русской литературе с позиций православия, – а это в общем единственно правильный подход, поскольку нельзя изучать русскую литературу, не зная православной культуры – конечно, ориентироваться на труды Михаила Михайловича Дунаева. В этом смысле его значение будет только возрастать.

Я читал все рукописи его статей, которые были изданы в шеститомнике «Православие и русская литература», по мере сил старался помочь ему советом. Очень дорожу дружбой с Михаилом Михайловичем и считаю, что этот труд – фундаментальный, настоящий научный труд, задавший тот тон изучения, который и в дальнейшем будет ведущим в литературоведении.

**Протоиерей Максим Козлов,
настоятель храма св. мученицы Татианы**

Мы проводили нашего дорогого друга, соратника и сополитвенника. К тому, что уже было сказано, мало можно добавить о том вкладе, который внес Михаил Михайлович в нашу науку – и церковную, и светскую. Скажем одно: вне зависимости от того, соглашаться или не соглашаться с тем, что было написано в его трудах, ни один исследователь русской литературы не будет честен, если в багаже прочитанных им книг не будет работ почившего профессора.

Хотелось бы сказать о том, что, может быть, не так было заметно при жизни Михаила Михайловича. Господь судил мне знать его с самого конца восьмидесятых годов, еще до начала его трудов в Московс-

ких духовных школах, а потом, с самого открытия храма св. мч. Татианы в 1995 году, Михаил Михайлович все эти годы был здесь. Несомненно, что в конце его жизни главной его любовью была Лавра преподобного Сергия и Московская духовная академия. Он и поселился в Москве таким образом, чтобы беспрепятственно можно было добираться туда. Он не раз говорил в непростых жизненных обстоятельствах, что всего другого готов был бы лишиться, но просит Бога об одном: до конца дней трудиться в Московской духовной академии. И Господь исполнил прошение верного своего раба. Он любил лаврское богослужение. Все эти годы каждый раз перед наступлением Рождества Христова и Пасхи он на неделю или более уезжал из городской суеты и проводил эти дни в молитве. Это было не какое-то формальное исполнение обычаев – было видно, что он не мог по-другому.

Он был в самом глубоком, в самом правильном смысле слова человеком благочестивым. Не было службы субботней или воскресной, когда он находился в Москве и не пришел бы в храм. Никогда не опаздывая, он приходил на всенощное бдение, тихонько становился в алтаре и никогда не уходил до конца службы. Это было каждую субботу, каждое воскресенье, каждый большой праздник. В этом отношении он был образцом того, как нужно относиться к богослужению. Он благоговел перед Таинствами Церкви. Усвоив еще Синодальную практику, что христианин к принятию Таинств готовится ответственно и причащается нечасто, он был примером того, как нужно готовиться к принятию Святых Христо-

вых Тайн. Но было видно: в последние годы душа и сердце его стали просить более частого прибегания к Святыне Тела и Крови Христовых. И было так радостно видеть его всякий раз после приобщения Святых Христовых Тайн!

Он был человеком очень чистой души. Никогда, ни в каких случаях мы не слышали от него недоброй или нечистой шутки: он не улыбался и не радовался тому, что иные люди могут когда-то себе позволить. Было видно, как обижало, как ранило его душу всякое некстати и неблагоговейно сказанное о святыне слово.

Он был человеком нестяжательным. Многие годы мы видели его в одном и том же костюме, в одном плаще.

У него не было каких-то пристрастий, желания тратить деньги на что-то мирское. А теперь можно сказать и о том, о чем никогда не говорили при его жизни: полученные за свои труды деньги он тайно жертвовал в наш и другие храмы.

Михаил Михайлович был неотъемлемой частью нашего храма. Нам трудно будет представить, как мы войдем в алтарь, а он не будет стоять там. Студентам, думаю, будет также трудно представить, кто может читать лекции, которые вел он. Его кончина была такой, которую можно пожелать каждому христианину. Господь дал ему испытание болезнью в последние годы, и он эти страдания переносил с христианским терпением. Временами ему было трудно подняться по ступенькам для того, чтобы дойти до алтаря, но он шел на богослужение. Иногда он не мог стоять и просил: «Можно я посижу?» – у него сил не хватало стоять все Всенощное бдение, но он приходил на службу, не оправдывая себя никакими немощами.

В последний этап болезни он готовился к предстоящей операции через неоднократную Исповедь и принятие Святых Христовых Тайн. И потом, когда Господь дал ему прийти в себя за несколько дней до смерти, мы общались с ним. За три дня до кончины он вновь настоятельно просил священника исповедовать его и приобщить Святых Тайн, что и было сделано.

Подлинно, Господь призвал Своего раба, труженика в Свои селения. Мы верим, что сейчас Михаил Михайлович встретится с теми, кого так любил: с преподобным Сергием, с теми из русских писателей, чью чистоту души и верность Церкви он старался свидетельствовать в своих книгах. Будем же мы, уповая на Бога, хранить твердую, теплую память о нем. Будем молиться о нем всю жизнь, будем просить его молиться о нас: и об учащих, и об учащихся, и о нашем храме, там, где душа его предстоит в вере пред Господом Нашим Иисусом Христом.

Воспоминания на девятый день кончины М.М. Дунаева

Это был человек кроткий. И мы могли воочию видеть сияющие из его глаз кротость и смирение. Именно в этом и была какая-то удивительная роль, которую он играл в жизни людей, с ним сталкивавшихся. Так понимаешь, что смирение – это не набор каких-то формальных приемов, а действительно очень глубокий дар, который вынашивает в себе человек, и в его поведении это выражается в какой-то невероятной чуткости к другому человеку, в душевной гибкости, в ощущении того, что

Олеся Николаева, поэт

Именно такой характер Михаила Михайловича сделал его способным к тому, чтобы заниматься русской литературой. Он, в общем, и сам был героем русской литературы.

мы называем тактичностью или деликатностью, в умении всегда оказаться на своем месте, но при этом сохранить незаметность. Так вообще понимаешь, что смиренный человек, где бы он ни находился, всегда находится на своем месте. Поскольку место в разных ситуациях меняется, то это, конечно, требует глубоких душевных чувств, таких как искусство отзывчивости. Конечно, он был человеком очень добрым, очень незлобивым, незлопамятным и всегда сохранявшим в себе удивительную веселость и радость. Это был человек, который нес тебе утешение, сорадовался твоим радостям, мог разделить твои скорби своим сочувствием.

Материал подготовлен художественным руководителем
Московского театра русской драмы «Камерная сцена»,
доцентом кафедры психологии развития МПГУ
Михаилом Григорьевичем Щепенко